

Л.Е. КЕСЕЛЬМАН

УКРАИНСКОЕ ЗЕРКАЛО РОССИЙСКИХ ПРОБЛЕМ

«Ще не вмерла Украина...» — этими словами начинается национальный гимн страны, которая возродила оранжевый цвет Нидерландских гезов как символ сопротивления лжи и несправедливости [16]. Так это или нет, но все живущие на постсоветском пространстве получили возможность определить свое отношение к этому символу и стоящим за ним смыслам. То, как относится российское население к Украине вообще и происходящим там политическим процессам в частности, — показатель не только его представлений о неожиданно превратившейся в «заграницу» бывшей союзной республике. Это еще и красноречивый показатель отношения россиян к самим себе и той «державе», которая еще продолжает мучительно переживать утрату сросшегося с ней статуса «старшего брата» [12].

Одним из инструментов, позволяющих оценить отношение населения двух стран друг к другу, являются регулярные опросы, которые осуществляют на протяжении длительного времени Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр) и Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Во второй половине марта, буквально накануне украинских выборов, ФОМ и Левада-Центр провели очередные опросы, значительная часть которых посвящена мнениям россиян об Украине в целом и, конкретно, к складывающейся там политической ситуации. Задавались и вопросы об отношении российского населения к парламентским выборам в этой стране.

В соответствии со своей стандартной технологией ФОМ проводил опрос в ста населенных пунктах почти полусотни областей, краев и республик России; получено полторы тысячи интервью по месту жительства. Кроме того, опрашивались 600 жителей российской столицы. Почти одновременно (во второй половине февраля) украинское отделение ФОМа провело репрезентативный опрос населения Украины. Во всех областях этой страны получено почти две тысячи (1991) интервью по месту жительства. Статистическая погрешность общеукраинских, как и общероссийских, данных не превышает 3,5%. Результаты этих двух (и всех предыдущих) опросов, находятся на корпоративном сайте ФОМа (<http://www.fom.ru>), и у нас есть возможность не только познакомиться с основными распределениями, но и проанализировать их в контексте некоторых других наблюдений.

Кесельман Леонид Евсеевич — руководитель Центра изучения социальных процессов (Санкт-Петербург). **Телефоны:** (7-812) 352-51-08; (49-241) 5-594-593. **Электронная почта:** LK44@yandex.ru

У россиян исследователи из ФОМа, прежде всего, поинтересовались тем, как они представляют себе нынешние отношения между Россией и Украиной. Результаты оказались поразительными: три четверти — 74% — жителей России назвали эти взаимоотношения «плохими», тогда как «хорошими» их смогли назвать всего 9%. Остальные затруднились определить их сколько-нибудь однозначно. Неужели жители еще недавно братской республики воспринимаются сейчас россиянами как чужие, и все так плохо между нами? Может, это взаимно, и жители Украины тоже видят в России и ее жителях чужаков?

Как свидетельствуют данные опроса населения Украины, осуществленного украинским отделением ФОМа, практически две трети (64%) жителей Украины относятся к России «хорошо»; примерно каждый шестой (17%) — «безразлично», и практически столько же (16%) — «отрицательно». Даже на Западной Украине, в состав которой входят Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Хмельницкая и Черновицкая области, положительные взгляды на Россию заметно превосходят отрицательные (38 к 30¹). И это несмотря на то, что значительная часть жителей данного региона в конце 1940-х – начале 1950-х гг. с оружием в руках боролась против «советской оккупации».

О Восточном и Южном регионах и говорить не приходится. В Одессе и ее окрестностях (Республика Крым, Одесская, Полтавская, Херсонская области) тех, кто относится к России хорошо, в двадцать с лишним раз больше, чем тех, кто плохо (82 к 4). Еще выше уровень позитивного отношения в Донбассе и прилегающих к нему шахтерских городах и поселках Донецкой области, а также в Луганской и Харьковской областях (89 к 3). Иначе говоря, взгляды жителей Украины на Россию никак не являются причиной того, что три четверти россиян считают нынешние отношения между нашими странами «плохими» [15]².

Может быть, это сбой в расчетах или «ошибка измерения», и следует проверить результаты других аналогичных замеров? В январе прошлого, 2005 года, отвечая на аналогичный вопрос ФОМа, почти

¹ Таким образом здесь и далее автор обозначает процентные соотношения. — *Прим. ред.*

² О характеристиках социального сознания населения Украины см. также «Вестник общественного мнения» № 6 (80) за 2005 год [1], в котором опубликованы статьи: *Головаха Е., Панина Н.* Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции»; *Ручка А.* «Посторанжевые» ощущения граждан: кто «выиграл» и кто «проиграл» в Украине; *Головаха Е.* Революция ожиданий в украинском обществе; *Степаненко В.* «Оранжевая революция» — прихода событий и особенности национальной гражданской активности.

половина (49%) россиян назвали отношения, сложившиеся между нашими странами, «хорошими». «Плохими» в тот момент их считал лишь каждый пятый (21%), то есть чуть ли не вчетверо меньшее количество людей, чем в марте 2006-го. В целом, как видим, положительные оценки взаимоотношений между братскими славянскими республиками явно преобладают (в два с лишним раза). А если так, то у нас есть основания усомниться в данных последнего измерения. Но не будем торопиться. Есть возможность взглянуть на данные еще нескольких аналогичных «замеров». Если в январе 2005-го отношения, сложившиеся между нашими странами, называли «хорошими» около половины (49%) россиян, то уже в марте 2005-го таких не набралось и трети (30%). Примерно столько же (32%) аналогичных оценок было и в октябре 2005-го, а к декабрю их количество приблизилось к четверти (26%). Ну, а в январе 2006 года (после «блестящей» операции по восстановлению законных интересов российского Газпрома и аффилированных с ним физических лиц) количество тех, кто по-прежнему считал наши отношения «хорошими», опустилось до 22%.

Конечно, это еще не мартовские 9%. Но нельзя не заметить, что нынешний «обвал» возник отнюдь не в одночасье, и наша надежда списать неожиданные и «неприятные» цифры на ошибку измерения не оправдывается. Аналогичным образом менялся и обратный показатель. В январе 2005-го отношения, сложившиеся к тому моменту между нашими странами, называла «плохими» примерно пятая часть (21%) россиян. В марте 2005-го таких оценок было уже больше трети (36%), в октябре их количество достигло половины (50%), а к декабрю того же года увеличилось до 54%. В январе 2006 года (после упомянутой финансовой операции с участием российского президента) количество тех, кто оценивал наши взаимоотношения как «плохие», приблизилось к трем пятым (58%).

Тенденция эта подтверждается и многолетними наблюдениями Левада-Центра, сотрудники которого до 2003 года работали под брендом ВЦИОМа³. Этот Центр обычно опрашивает по 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны; статистическая погрешность его опросов находится в пределах 3%. По данным Левада-Центра, если в 1998 году подавляющее большинство (79%) жителей России относились к Украине хорошо (или очень хорошо), и лишь 14% — плохо, то в дальнейшем это соотношение претерпело серьезные изменения. В 2001 году оно выражалось как 71 к 23, в 2003 году — как 66 к 27, в январе 2005, сразу после «оранжевой революции», оно вроде бы заметно улучшилось — 74 к 18.

³ Автор выражает глубокую признательность сотруднице Левада-Центра Ольге Грязновой за помощь в работе с архивными данными центра.

Таблица 1

Отношение российского населения к Украине

Данные Левада-Центра. Март 2006 г. (общероссийская выборка, N=1600)

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К УКРАИНЕ?	хорошо	плохо	трудно сказать	доля (%) в выборке
мужчины	45,5	43,0	7,5	45,0
женщины	55,0	32,5	12,5	55,0
18-24 лет (родились после 1981 года)	48,5	36,5	15,0	14,5
25-39 лет (родились в 1966-1980 гг.)	58,0	34,0	8,0	27,0
40-54 года (родились в 1950-1966 гг.)	52,0	39,0	9,0	30,0
55 лет и старше (родились до 1950 г.)	50,5	38,5	11,0	28,5
Образование: ниже среднего	52,0	34,0	14,0	23,5
общее среднее	53,5	37,5	9,0	29,5
среднее специальное	55,5	34,5	10,0	26,5
высшее	48,5	43,5	8,0	20,5
Москва	45,0	45,5	9,5	7,5
более 500 тысяч жителей	49,0	39,0	12,0	20,5
от 100 до 500 тысяч жителей	53,0	36,5	10,5	20,5
от 10 до 100 тысяч жителей	61,0	29,0	10,0	21,5
сельская местность	50,5	40,0	9,5	30,0
Северо-Западный федеральный округ	44,0	43,5	12,5	10,0
Центральный федеральный округ	51,0	41,5	7,5	27,5
Южный федеральный округ	55,0	34,0	11,0	13,0
Поволжский федеральный округ	42,5	48,0	9,5	22,0
Уральский федеральный округ	61,0	22,5	16,5	9,0
Сибирский федеральный округ	64,0	23,5	12,5	14,0
Дальневосточный федеральный округ	71,5	23,5	5,0	4,5
Денег не хватает даже на продукты	52,5	33,5	14,0	12,5
вызывает затруднения покупка одежды	52,0	37,5	10,5	35,0
хватает на продукты и на одежду	52,5	37,5	10,0	39,0
хватает на вещи длительного пользования	54,0	37,5	8,5	13,0
Страна идет в правильном направлении	53,5	37,0	9,5	36,0
страна идет по неверному пути	50,0	40,5	9,5	49,0
трудно сказать	59,5	26,0	14,5	15,0
Одобряющие деятельность правительства	57,0	31,0	12,0	30,0
не одобряющие его деятельность	50,0	41,0	9,0	65,0
Полностью доверяющие В. Путину	52,5	40,0	7,5	26,0
не доверяющие ему	54,0	41,0	5,0	22,0
Одобряющие деятельность В. Путина	52,5	36,5	11,0	72,0
не одобряющие его деятельность	54,0	39,5	6,5	26,0
В целом март 2006	52,5	37,5	10,0	100
февраль 2006	51,0	40,0	9,0	100
январь 2006	54,0	34,0	12,0	100
декабрь 2005	60,0	29,0	11,0	100
октябрь 2005	65,0	25,0	10,0	100
апрель 2005	68,0	23,0	9,0	100

Однако это «потепление» оказалось недолгим: уже в апреле 2005-го соотношение выглядело как 68 к 23, в октябре того же года — как 65 к 25, а в декабре — 60 к 29. Последствия «газовой войны» в самом начале 2006 года привели к соотношению 54 к 34, а в феврале на 51% все еще относящихся к Украине хорошо было 40% относящихся к ней «плохо». В марте нараставшее в течение последнего года ухудшение отношения к соседней стране вроде бы приостановилось на соотношении 52,5 к 37,5.

Но и это «достижение» не мешает обнаружить, что россияне нынче относятся к Украине заметно хуже, чем жители Украины к России. Напомним, что, по данным ФОМа, у них на 64% относящихся к России хорошо приходится сейчас только 17% относящихся к ней плохо. Ну что ж, нынешней России к «несимметричным ответам» не привыкать. Пойдет ли ей это на пользу — уже другое дело. А не пойдет, так не будем винить судьбу или Бога: нет у него иных рук, кроме наших собственных [6], которыми и куются наши напасти.

Впрочем, этот вывод из анализируемых данных, к которым мы сейчас вернемся, напрямую не следует. Как видно из первых строк таблицы 1, представленной Левада-Центром, российские мужчины относятся к некогда братской республике заметно хуже женщин. Если среди женщин тех, кто относится к Украине хорошо, чуть ли не вдвое больше, чем относящихся к ней плохо (55 к 32), то у мужчин это соотношение выглядит почти сбалансированным (45 к 43). Еще чуть-чуть, и негативное отношение к строптивой соседке у них может стать доминирующим⁴.

Как видно из следующих строк той же таблицы, повышенный негативизм по отношению к Украине обнаруживают преимущественно те, кто в силу естественных обстоятельств способен претворить его лишь в вербальную агрессию. Негативизм родившихся после 1966 года заметно ниже негативизма людей среднего и преклонного возраста, хотя и среди молодежи в возрасте до сорока лет свыше трети таких, которые относятся к Украине плохо.

Расхожее представление, в соответствии с которым чем грамотней человек, тем он культурней, а значит, менее агрессивен (более толерантен) по отношению к окружающим, в данном случае подтверждения не находит. Наибольший негативизм по отношению к Украине обнаруживают обладатели вузовских дипломов (табл. 1). У них же наименее выражено позитивное отношение к ней. Напротив, имеющие неполное среднее образование, демонстрируют наименьший негативизм. И если у вузовских выпускников «позитив» и «негатив» почти сбалансированы (48 к 43), то у всех остальных наблюдается примерно полтора-двакратное преобладание позитивного настроения.

⁴ О повышенной толерантности мужчин к агрессивному поведению см.: [4].

Похоже, что-то с нашей российской культурой не так. В каком-то другом направлении она нынче движется. Или опять ошибка измерения?

Обращает на себя внимание и то, что россияне из восточных регионов, находящихся в административном ведении Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, относятся к Украине значительно благожелательней, чем те, кто живет западнее Урала⁵. Если на Урале и за ним позитивно относящихся к соседней стране втрое больше, чем тех, кто относится к ней негативно (65–70 к 22–23), то отношение к Украине живущих в европейской части России заметно более «сбалансированно». Так, в Северо-Западном федеральном округе этот «баланс» составляет 44,0 к 43,5. Не отстает от северной столицы и главный город страны. В Москве на 45% относящихся к Украине хорошо приходится в принципе столько же (45,5%) относящихся к ней плохо. А в Поволжском федеральном округе негативное отношение и вовсе преобладает над позитивным (48 к 42).

Методическое отступление

Некоторые особо «дотошные» аналитики, знакомые с простейшими правилами анализа статистических распределений, могут заметить, что эта тенденция зафиксирована в данном случае не столь основательно, сколь упоминавшиеся выше гендерные различия. И в самом деле, надежность и устойчивость показателя, полученного на совокупности из семисот-восьмисот единиц наблюдения, значительно выше, чем то, что можно получить на вчетверо меньшей группе. Однако если бы мы в этом выводе опирались лишь на разовый замер, и тогда различия между группой «восточных» и группой «западных» федеральных округов опирались бы не на единичную, а на суммарную наполненность каждого из них. То есть примерно на такую же, как и в случае с гендерными различиями.

Но мы в нашем анализе пользовались данными, как минимум, полудюжины разовых замеров одними и теми же формами дифференциации генеральной совокупности. И во всех этих замерах данная закономерность воспроизводилась с той же непеременимостью, с какой средняя температура июльского дня всегда выше соответствующего январского показателя. Результат же, полученный на длинной серии замеров в относительно малочисленных группах, для опытного аналитика значительно надежней, чем полученный в единственном замере на группе с наполнением, которое равно сумме наполнений серии наблюдений за «малыми группами». Однако наш анализ предназначен не только для «опытных», но и для тех, кто лишь движется к этому состоянию. А поскольку структурный анализ социального сознания нередко опирается на весьма дробное членение генеральной совокупности, то есть на показатели, фиксируемые в относительно мало наполненных группах, эта ремарка призвана предупредить комментарии со стороны ревнителей «статистической стерильности» содержательных выводов.

⁵ Об относительной независимости социального сознания жителей восточных регионов страны см.: [5].

Следует также заметить, что абсолютные величины анализируемых нами показателей социального сознания вообще лишены какого-либо смысла вне их сопоставления с аналогичными показателями, характеризующими подобные свойства того же объекта наблюдения, расположенного в ином месте и времени. Социолог, пытающийся ухватиться за абсолютные величины анализируемых показателей, обнаруживает не только весьма поверхностное знакомство с элементарными основами статистического анализа (что, в общем-то, вполне простительно для того, кто в силу своей природной предрасположенности и нелюбви к школьной алгебре и прочей тригонометрии избрал гуманитарную, а не техническую область), но и вполне очевидное отсутствие социального воображения, без которого занятия социологией аналогичны музицированию туговатого на ухо человека.

К тому же надо помнить, что структурный анализ (то есть анализ характеристик различных сегментов социального сознания и пространства, или характеристик отдельных социальных групп) значим для нас не сам по себе — для обнаружения банальностей типа «мужчины отличаются от женщин», «молодые от старых», а «образованные от необразованных». Такие откровения можно получить и без громоздкого арсенала средств, к которым вынуждены обращаться профессионалы для того, чтобы получить данные о свойствах социального сознания и социального пространства, в которое погружены мужчины и женщины, молодые и старые, образованные и необразованные. Наблюдая их реакции на свои «вопросы», социолог пытается увидеть и понять не их самих, а те социальные силовые поля, которые детерминируют эти реакции, а главное, их индивидуальное сознание и поведение.

Понятно, человек не социальная марионетка, и его сознание и поведение детерминируются отнюдь не только социальными полями, а лишь наряду с этими полями массой других обстоятельств — от его индивидуальной физиологии до атмосферных явлений типа дождя или сильного ветра. Однако в том-то и заключается специфика социологического наблюдения и анализа, что социолог пытается обнаружить и понять действие не всех обстоятельств, в которых живут и осуществляют свою деятельность люди или каждый отдельный человек, а только социальных. То есть действие социальных силовых полей, которые на определенных своих участках — сегментах социального пространства и времени, или, что привычней, в социальных группах, — действуют примерно с одной и той же силой. А это, в свою очередь, и порождает определенную близость индивидуальных реакций, сознания и поведения большого числа представителей социальных групп. Вот эту «близость», или однородность, и пытаемся мы обнаружить в структурном анализе социологических наблюдений. И нужна нам она не сама по себе, а для того чтобы выявить и понять действие этих самых силовых полей. Вне данной задачи все наши сколь угодно изощренные манипуляции с пугающей всякого приличного гуманитария цифирью лишены какого-либо смысла.

Раз уж мы отвлеклись от нашего непосредственного предмета на обобщения более высокого уровня, отметим еще одно важное обстоятельство.

Человек, всерьез, *профессионально* взявшийся за социальный анализ, остается таким же индивидом, как миллиарды других людей, погруженных в изучаемые им силовые поля. Каждый из них (в том числе и он сам) видится ему как бы «из космоса» почти неразличимой частицей некоего муравейника, а то и просто частичкой металлической пыли, погруженной в магнитное (силовое) поле. Он видит открывшееся перед ним социальное пространство глазами не столько обычного человека (от свойств которого ему не избавиться), сколько некоего условного субъекта, существующего в некотором надындивидуальном (если хотите, «сверхчеловеческом») пространстве. В своем индивидуальном и личностном качестве он остается таким же зависимым от пронизывающих социум социальных силовых полей, как и все остальные «пылинки металла», погруженные в эти поля. Иначе говоря, перед этими полями социальный аналитик точно так же «слаб», как и всякая иная пылинка. Разве что чуть лучше понимает природу своей «слабости».

Что из этого следует? Немало. И, в частности, то, что, пока социолог, вооруженный своими «мелкоскопами», анализирует это самое социальное пространство и его силовые поля, он вынужден несколько отстраниться, а то и вовсе отрешиться от своего естественного человеческого взгляда на мир. Без этого «отрешения» социум ему не увидеть и тем более не понять. Однако, если он живет среди людей и хочет быть полезен им своим специфическим ремеслом, то, увидев и поняв в этом надындивидуальном пространстве что-то важное для других, он должен как-то передать им полученную информацию. То есть ему надо на обычном человеческом языке рассказать людям, не имеющим дело с привычным для него арсеналом специальных методов и технологий, о том, что интересного и важного для них он увидел с помощью своей амуниции.

Пойдем далее. Из таблицы 1 видно, что наименее негативно относятся сейчас к Украине жители сравнительно небольших российских городов с населением, не превышающим ста тысяч человек. В этих небольших городах, где живет примерно каждый пятый россиянин, позитивно относящихся к этой стране вдвое больше, чем их антиподов (61 к 29). В более крупных городах (с населением от ста тысяч до полумиллиона, где тоже проживает сейчас около пятой части россиян) негативного отношения побольше, а позитивного поменьше (53 к 36,5). Еще сильнее выражена эта тенденция в городах с населением более полумиллиона (49 к 39). Ну, а особый статус наших столиц мы видели несколько выше. В целом, чем крупнее городское поселение, тем негативней настроены его жители по отношению к соседней стране, иначе говоря, рост городских масштабов каким-то образом способствует повышению негативизма.

Кстати, не тут ли разгадка парадокса с нашей нынешней «культурой»? Ведь, как известно, основная масса российских обладателей вузовских дипломов проживает в наших столицах и наиболее крупных промышленных и культурных центрах страны. Да и в целом, чем

крупнее городское поселение, тем больше в нем представителей нашей интеллигенции (за исключением, конечно, таких специфических «поселков», как Черноголовка, Дубна или Саровск). Выходит, что в данном случае фактор степени урбанизации перевешивает фактор уровня образования. Не станем утверждать, что это всегда так, но в данном случае такая тенденция достаточно очевидна. Однако нельзя не заметить, что из этой тенденции выбиваются сельские жители. Их общее отношение к Украине ближе всего к тому, которое выражают жители самых крупных городов (за исключением Москвы и Петербурга) с населением более полумиллиона (50 к 40). Иначе говоря, обнаруженная выше тенденция действует лишь в урбанизированной среде. В сельской местности, вероятно, другие законы.

Интересно, что материальный достаток практически не оказывает влияния на отношение россиян к Украине. Общеизвестно: чем труднее человек живет, тем агрессивней он настроен к внешнему миру. И наоборот: чем выше уровень благополучия человека, тем он более друшной и толерантней к окружающим. В нашем последнем исследовании отношения россиян к Израилю и его проблемам эта закономерность вполне подтвердилась [4], но в украинском сюжете этого не получается. Более того, как видно из таблицы 1, наименьший негативизм к соседней стране демонстрируют те, кто «едва сводит концы с концами», у кого «денег не хватает даже на продукты» (среди таких, по данным Левада-Центра, сейчас восьмая часть — 12,5% — жителей России). Даже у тех, у кого «на продукты денег хватает, но вызывает затруднения покупка одежды», негативизма уже столько же, сколько у тех, кто «может без труда приобретать вещи длительного пользования» или у кого уже все в порядке, но пока еще «затруднительно приобрести действительно дорогие вещи» (таких, по тем же последним данным Левада-Центра, примерно столько, сколько и наиболее обездоленных — 13% россиян). Впрочем, во всех случаях отклонения от нынешнего общего российского стандарта едва выходят за рамки ошибки измерения, и, судя по этим данным, материальный достаток на отношение россиян к Украине практически не влияет.

Представление россиян о том, верной ли дорогой идет сейчас их собственная страна, также не слишком влияет на отношение к Украине. Правда, у тех, кто считает, что «страна идет в правильном направлении» (а таких, по данным Левада-Центра, сейчас в России немногим более трети — 36%), и негативизма немного меньше, да и позитивное отношение более выражено, чем у тех, кто полагает, что наша «страна идет по неверному пути» (среди таких практически половина — 49% — россиян). Курьезно, но наиболее позитивно относятся к нашей ближней соседке те, кто затрудняется ответить на вопрос, в правильном ли направлении идет сейчас Россия (а это примерно каждый шестой опрошенный — 15%). Среди тех, кто остановился в задумчивости перед

этим вечным для нашего отечества вопросом, позитивно относящихся к Украине вдвое больше, чем их антиподов (60 к 26). У нашедших ответ на него отношение к украинской республике много сдержанней: у сторонников выбранного пути — 53 к 37, у их оппонентов — 50 к 40.

Заметно бóльшая зависимость обнаруживается между нынешним отношением россиян к ищущей свой путь стране и их отношением к деятельности собственного правительства. У одобряющих эту деятельность (а таких, по данным Левада-Центра, в России не более трети — 30%) позитивное отношение к Украине встречается почти вдвое чаще, чем негативное — 57 к 31. У не одобряющего эту деятельность большинства (в него входит практически две трети — 65% — россиян) разрыв между имеющими позитивное и негативное отношение не столь большой — 50 к 41.

Как ни странно, то, как подданные РФ оценивают деятельность реального руководителя своего правительства, не скрывавшего пристрастного отношения к «оранжевой республике», никак не отражается на их понимании украинских сюжетов. Те, кто одобряет его нынешнюю деятельность (таких, по последним данным Левада-Центра, чуть ли не три четверти — 72%), а значит, и его политику по отношению к соседней республике, и те, кто ее не одобряет (их чуть ли не втрое меньше — 26%), относятся к этой стране в принципе одинаково. У сторонников нынешнего российского президента позитивное и негативное восприятие Украины соотносятся как 52,5 к 36,5; у их оппонентов — как 54 к 39,5. В обоих случаях частное от деления этих чисел равно примерно 1,4.

Интересно, что не обнаруживают различий в отношении к Украине не только достаточно грубо разделенные на две группы (одобряющих и не одобряющих его деятельность) по отношению к нынешнему главе государства, но и те, кто жестко противостоит друг другу в этом вопросе. «Полностью доверяющие В. Путину» (по данным Левада-Центра, среди них сейчас около четверти — 26% — россиян), и те, кто сообщает интервьюерам о своем «недоверии» к нему (а их, по тем же данным, сейчас немало — 22%), относятся к «оранжевой республике» одинаково. У безоговорочно доверяющих российскому президенту позитивное и негативное отношение к Украине соотносятся как 52,5 к 40,0; у их оппонентов — как 54 к 41,5. Таким образом, процентные показатели близки между собой, а частное от их деления друг на друга одно и то же в обоих случаях — 1,3.

Как видим, нынешний российский президент не только обладает собственным, весьма устойчивым, а потому загадочным для многих наблюдателей «тефлоновым рейтингом» [11, 13], но и отношение к нему подданных практически никак не дифференцирует рассматриваемую область их социального сознания. Будем считать, что это еще одна загадка не только в череде вопросов на тему «ху из мистер Путин?», но и косвенных ответов на них типа «умом Россию не понять».

Общественно-политическое отступление

Проигнорируем эту расхожую сентенцию и попытаемся все же понять причины нынешнего российского мироотношения. Не исключено, что современное отношение россиян к Украине берет свое начало с тех дней, когда, как поняли россияне (вчера еще советские, а нынче российские подданные), стопроцентно «наш народ» (ну разве что разговаривает на слегка испорченном русском) повел себя не так, как подобает почитающему старших «младшему брату». Проигнорировав добрые намерения и советы российского начальства и его политтехнологов, этот народ отказался соглашаться с внедряемой на всем доступном постсоветском пространстве практикой модернизированного «престолонаследия». Мало того, что, как знает всякий начинающий Песталоцци, дурной пример заразителен, а значит и у других наших «младшеньких» может аналогичный соблазн возникнуть, так ведь и у самого «старшего брата» передача «державного скипетра» не за горами, и кто знает, как отнесутся к оранжевым соблазнам российские подданные.

Иначе говоря, было от чего в то время испортиться настроению у нашего российского начальства. Начальство еще не весь народ? Оно, конечно, так. Ну, а если это обожаемое своим народом начальство? А если у этого начальства к тому же еще и монополия на общенациональные телеканалы, способные вполне доходчиво (и почти ненавязчиво) объяснить не слишком любознательным, что: «мир — это война», «свобода — это рабство», а управляемая демократия — это высшее на данный момент достижение человеческой цивилизации? Тогда объяснить этому народу, что его «младший брат» попал под дурное влияние — дело техники [3]. Как видим, есть некоторые основания и для гипотез, отличных от предположения о случайной ошибке измерения. Но не будем торопиться, у нас в запасе еще огромное количество данных, позволяющих обстоятельно проанализировать и понять причины отклонения от наших ожиданий реальных характеристик этой области российского социального сознания.

Интерес к Украине и ее проблемам

В мартовском опросе, проводившемся ФОМом за неделю до парламентских выборов в Украине, у жителей России выясняли, известно ли им что-нибудь об этих выборах. Свыше двух пятых (42%) во время опроса услышали о них впервые, а остальные обнаружили ту или иную степень информированности, в том числе около четверти (23%) об этом событии знали, и еще примерно треть (32%) слышали что-то не очень определенное (остальные — около 3% — затруднились с однозначным ответом). Для сравнения укажем, что примерно за месяц до этого, в феврале 2006-го, некоторый уровень информированности о том, что победу на парламентских выборах в Палестине одержало движение ХАМАС, обнаружили 57% россиян, в том числе 27% знали об этом, и еще 30% слышали об этом что-то не очень определенное [4]. При этом тех, кто впервые услышал об итогах парламентских выборов в Палестине от интервьюеров, было несколько

меньше, чем тех, кто ничего не знал о выборах в Украине (38%). Как видим, практически такие же парламентские выборы в Украине заинтересовали россиян не только не больше, а даже несколько меньше, чем месяцем ранее аналогичный сюжет, случившийся на узкой полоске земли восточного Средиземноморья.

Наименее информированы об украинских событиях россияне, обитающие в сельской местности, почти половина (46%) из них ничего не знали о приближавшихся выборах. На другом полюсе — москвичи, среди которых аналогичную неосведомленность обнаружил лишь каждый третий (33%), а практически две трети (65%) знали или что-то слышали о парламентских выборах в Украине. В других крупных мегаполисах численность информированных несколько меньше, но заметно больше, чем в прочих городских или сельских поселениях. Эта же закономерность прослеживается и во многих других наблюдениях зависимости уровня информированности о текущих политических событиях от степени урбанизированности [4, 14]. Оно и понятно — количество информационных каналов в малых городах российской глубинки куда скромнее, чем в столице и нескольких крупных мегаполисах, а уж в сельской местности — и подавно.

В отличие от ближневосточного сюжета, который привлекал в основном российских мужчин, Украина и ее проблемы, как видно из таблицы 2, интересуют российских женщин практически в той же мере, что и мужчин. Среди молодых людей, формировавшихся в постсоветское время, интересующихся событиями в политической жизни соседней страны значительно меньше, чем среди воспитанных советской властью.

Среди тех, кто появился на свет после 1970 года (кому сегодня до 35 лет), знали о приближавшихся парламентских выборах в Украине практически вдвое меньшее количество людей, чем среди тех, кто родился в первой половине прошлого века и кому сейчас более 55 лет (15% против 29%). С другой стороны, ничего не знали об этом практически три пятых (59%) самых молодых россиян и вдвое меньше (28%) представителей старших поколений. Сходная тенденция имела место и в сюжете с результатами парламентских выборов в Палестине [4]. Постсоветское поколение, как свидетельствуют эмпирические данные, индифферентно не только к внешнеполитической информации. Нет у него интереса и к таким, казалось бы, значимым житейским сюжетам, как повышение тарифов на услуги ЖКХ [14]. Эти и многие другие данные убедительно свидетельствуют о том, что пока большинство нынешней российской молодежи старается держаться подальше от любых общественно значимых и политических сюжетов [10]. Яркая политическая активность идущих за Э. Лимоновым членов его НБП — лишь исключение, подтверждающее общее правило.

Естественно, людям с доходом меньше полутора тысяч не до чужих забот, и практически половина (48%) из них ничего не знали о парламентских выборах в соседней стране. У тех же, чей душевой доход выше трех тысяч рублей, такую нелюбознательность обнаружили лишь немногим более трети — 37%. С другой стороны, знали об этих выборах менее пятой части (19%) имеющих минимальный доход, и в полтора раза больше (28%) тех, чей доход выше трех тысяч в месяц.

Таблица 2

Информированность жителей России о парламентских выборах в Украине

Данные ФОМа. март 2006 г. (общероссийская выборка, N=1500)

ВЫ ЗНАЕТЕ, СЛЫШАЛИ ИЛИ СЛЫШИТЕ ВПЕРВЫЕ О ТОМ, ЧТО 26 МАРТА 2006 ГОДА СОСТОЯТСЯ ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНУЮ РАДУ УКРАИНЫ?	знают	слышали что-то	слышат впервые	трудно сказать	доля (%) в выборке
мужчины	24	32	41	3	49
женщины	21	32	42	4	51
18–35 лет (родились после 1970 год.)	15	23	59	4	36
36–54 года (родились в 1950-1970 гг.)	26	36	36	2	37
55 лет и старше (родились до 1950 г.)	29	39	28	4	27
Образование: ниже среднего	<u>13</u>	33	47	7	15
общее среднее	20	31	45	4	35
среднее специальное	22	33	43	2	34
высшее	37	33	28	1	16
Доход: до 1500 рублей в месяц	19	29	48	4	21
от 1501 до 3000 рублей	21	37	39	3	40
от 3000 и выше	28	32	37	2	23
Москва	36	29	<u>33</u>	2	7
мегаполисы	28	32	38	2	12
большие города	13	38	44	5	17
малые города	26	31	41	3	39
сельская местность	18	31	46	4	25
Оптимисты	22	26	49	3	26
неадаптированные пессимисты	22	34	41	3	44
Доверяющие В. Путину	23	30	43	4	52
не доверяющие ему	24	36	38	3	17
В целом март 2006	23	32	42	3	100

Ну и, конечно, степень информированности тесно связана с образованием. Знал о выборах в Украине едва ли не один из восьми (13%) тех, кто не имеет среднего образования; каждый пятый (20-22%) из обладателей среднего или среднего специального образования и почти две пятых (37%) обладателей вузовских дипломов.

Что для Украины хорошо, для России...

О том, что россияне не особо интересуются подробностями внутриукраинской расстановки политических сил, свидетельствует численность затруднившихся с ответом на, казалось бы, «прозрачный» для осведомленного человека вопрос о том, что было бы лучше для России — «чтобы наибольшее число мест в Верховной раде заняла партия В. Ющенко, Ю. Тимошенко или партия В. Януковича»? В числе осведомленных значительно меньше половины россиян. Большинство же (59%) и рады бы обозначить свое отношение к все больше огорчающим их «младшим братьям», да не могут сориентироваться в ситуации. Так или иначе, но, как видно из таблицы 3, свыше половины россиян не смогли справиться с «тестовым» подвохом, который невольно устроили им сотрудники ФОМа.

Таблица 3

Представление жителей России о российских приоритетах в украинских выборах

Данные ФОМ, март 2006 г. (общероссийская выборка N=1500)

ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ ДЛЯ РОССИИ — ЧТОБЫ НАИБОЛЬШЕЕ ЧИСЛО МЕСТ В ВЕРХОВНОЙ РАДЕ ЗАНЯЛА ПАРТИЯ В. ЮЩЕНКО, Ю. ТИМОШЕНКО, ИЛИ ПАРТИЯ В. ЯНУКОВИЧА?	Ю	Т	Я	ТЗ	доля (%) в выборке
мужчины	5	5	35	55	49
женщины	5	4	28	62	51
18–35 лет (родились после 1970 г.)	6	7	19	67	36
36–54 года (родились в 1950–1970 гг.)	5	4	33	58	37
55 лет и старше (родились до 1950 г.)	4	<u>2</u>	45	48	27
Образование: ниже среднего	3	5	26	66	15
общее среднее	5	5	28	62	35
среднее специальное	5	5	31	59	34
высшее	8	4	43	45	16
Доход: до 1500 рублей в месяц	<u>2</u>	5	<u>23</u>	69	21
от 1501 до 3000 рублей	6	4	33	57	40
от 3000 и выше	7	6	40	47	23
Москва	6	3	46	<u>44</u>	7
мегаполисы	7	4	33	56	12
большие города	6	3	32	59	17
малые города	5	7	29	60	39
сельская местность	4	3	29	62	25
Оптимисты	7	6	28	58	26
неадаптированные пессимисты	4	4	33	59	44
Доверяющие В. Путину	5	<u>3</u>	30	61	52
не доверяющие ему	3	6	39	52	17
В целом март 2006	5	5	31	59	100

Примечание: Ю — партия В. Ющенко, Т — партия Ю. Тимошенко, Я — партия В. Януковича, ТЗ — трудно сказать.

Остальные две пятых (41%) такое «испытание» выдержали. И результаты этой проверки лишний раз доказали, что ответственные за

«Украинский фронт» отечественные политтехнологи работали с электоратом более чем успешно. Правда, не столько с украинским, сколько с российским, невольно попавшим под информационное облучение общенациональных российских телеканалов, пытавшихся повлиять со своей территории на украинских избирателей. Если в самой Украине, как известно, «партия В. Януковича» получила поддержку около трети — 32% — избирателей, то в России он «победил», получив поддержку более трех четвертых (76%) россиян, принявших участие в этом голосовании (или 31% от числа всех опрошенных). Даже в исконно российском Крыму эта партия смогла набрать лишь 57% голосов местных избирателей. Да и в своей Донецкой вотчине она не достигла такого успеха, как у хорошо подготовленных российских избирателей (в этой русскоговорящей области она получила «лишь» 72% голосов).

Российские женщины не только смогли правильно сориентироваться в непростой «зарубежной» ситуации, но и поднялись над упрощенным чувством женской солидарности, отдав Юлии Тимошенко даже меньше — 10% — голосов (4% от всех опрошенных), чем хоть и «оранжевому», но все же мужчине — все 13% (табл. 3).

Гендерное отступление

А говорят, что мужчины не пускают женщин во власть. Как говорила своим «коллежанкам» по Думе Галина Старовойтова: «Девушки, не надо делать из своего пола потолок» [2]. А кто делает? Нынче на Руси пол, в полном соответствии с государственными СНиПами (строительными нормами и правилами), что называется, «ниже плинтуса». А то, что эти нормы и правила — не из практики строителей кирпичных или бетонных зданий и сооружений, а из обихода строителей претендующей на еще больший запас прочности вертикали власти, так это уже детали. Большая часть наших думских депутаток и активисток Общественной палаты, украшающей эту на века создающуюся вертикаль, — прекрасное тому подтверждение. Да и нынешние российские «избирательницы» в данном сюжете это лишний раз подтвердили. Они выбрали из двух «оранжевых зол» меньшее и отдали свои предпочтения простому (хотя и «оранжевому») бухгалтеру, а не «пани Юлии», не пренебрегающей в политической борьбе с оппонентами не только доступными всем традиционным политикам приемами, но и «девичьими чарами». Но если на мужскую половину населения такие приемы обычно действуют положительно, то у женщин «эти хитрости», как правило, вызывают прямо противоположную реакцию. Тут место женской солидарности уверенно занимает куда более естественная в таких случаях конкуренция. Свидетельство чего мы и имеем в данном случае.

Выраженной спецификой обладают и предпочтения представителей различных поколений. Правда, для того чтобы ее обнаружить, надо анализировать распределения, рассчитанные в процентах не только и даже не столько от всех опрошенных (которые представле-

ны в табл. 3), сколько от тех, кто принял участие в этих своеобразных «параллельных выборах». В противном случае привычная дифференциация участия в политических сюжетах представителей разных поколений заслоняет собой различие политических позиций той части этих поколений, которая пока еще не утратила интерес к этим сюжетам. Такой интерес сохранили более половины (52%) поколения родившихся в первой половине XX века (кому сейчас более 55 лет); около двух пятых (42%) следующего за ним поколения (кому сейчас от 36 до 54 лет) и только треть (33%) родившихся после 1970 года (не перешагнувшие порог 35 лет).

Произведя несложную операцию, мы увидим, что партия В. Януковича получила у самых молодых (родившихся после 1970 года) почти три пятых (58%) голосов, в следующем поколении — четыре пятых (79%), а среди родившихся в первой половине ушедшего века — чуть ли не девять десятых (89%). Однако если появившиеся на свет в первой половине ушедшего века (а потому успевшие получить полноценную советскую закалку) поддержали Януковича почти единогласно, то в следующих поколениях россиян этого «советского единомыслия» заметно меньше. Предпочтения же самых молодых и вовсе приблизили партию В. Януковича к «точке перехода», за которой ее шансы на победу могут просто исчезнуть.

Соответственно меняется и доля, остающаяся представителям «оранжевой коалиции». У самых пожилых для них отсеется едва ли не один из десяти (11%), в следующем поколении — уже два из десяти (21%), а у самых молодых — больше четырех (42%). Не сказать, что это поколение совсем уж «оранжевое», но соответствующий оттенок не заметить уже невозможно. Не менее интересно и «гендерное» перераспределение симпатий внутри «оранжевых» предпочтений. В поколении социализировавшихся в условиях «расцвета советского застоя» и ранее (кому сейчас более 55 лет) преобладание симпатий к В. Ющенко практически двукратное (7 к 3,5). В следующем поколении это соотношение уже более сбалансированное (12,0 к 9,5). Самые же молодые — уже просто на стороне Юлии Тимошенко (24 к 18). Как видим, социальное сознание нового поколения россиян, несмотря на явное присутствие в нем следов противоестественной ностальгии по «советскому прошлому», не только вплотную приблизилось к тому, чтобы стать на сторону «оранжевых», но и внутри этой ориентации освободилось от гендерных стереотипов предыдущих поколений.

Естественно, что уровень образования существенно влияет на успехи в прохождении случайно возникшего «теста» на информированность. Среди тех, кто имеет неполное среднее образование, его прошел лишь каждый третий (34%), среди обладателей среднего — почти каждые двое из пяти (38–41%), а среди вузовских выпускников — более половины (55%). На этом, однако, заканчивается в данном случае

влияние образовательного уровня. У принявших участие в дальнейшем условном голосовании политические предпочтения меняются очень мало. Партия В. Януковича имеет от 75% до 78%. Соответственно, «оранжевой коалиции» остается от 22 до 25%. Однако внутри этого выбора заметно варьируются гендерные предпочтения, притом несколько парадоксальным образом. Наиболее образованные (обладатели вузовских дипломов) — рискуя быть заподозренными в мужском шовинизме — в соотношении 2 к 1 отдают свои предпочтения Виктору Ющенко. А наименее образованные (имеющие неполное среднее образование), вопреки, казалось бы, более естественной для них тяги к традиционному патриархальному пониманию места женщины в политической жизни, примерно в том же соотношении занимают сторону Юлии Тимошенко.

Впрочем, эта загадочная аномалия становится понятней, если мы обратим внимание на то, кого предпочитают москвичи и обитатели остальных российских регионов. С одной стороны, столичные жители, как никто другой, справились с тестом на информированность, и более половины (56%) из них приняли участие в условных выборах украинского парламента, тогда как в большинстве остальных мест с этим справились лишь около двух пятых. Участвовавшие в выборах москвичи обеспечили В. Януковичу рекордную, по сравнению со всей остальной страной, поддержку, отдав ему более четырех пятых (82%) своих голосов (в большинстве остальных мест она находилась в районе трех четвертей). И, наконец, в отданных «оранжевой коалиции» крохах меньше всего досталось Ю. Тимошенко, тогда как ее соратник по коалиции получил, хотя и не очень много, но все же вдвое больше голосов (12 против 6).

Несколько отличаются от всей остальной страны и принявшие участие в условном голосовании жители малых российских городов. С одной стороны, они заметно «скупей» в отношении к донецкой группировке и ее партии. У них она получает значительно меньше, чем во всех остальных местах, — «всего» 70% голосов. Соответственно, «оранжевым» остается рекордно много — почти треть (30%) их поддержки. И, наконец, только в этих малых российских городах Ю. Тимошенко получает больше голосов, чем ее соратник по «оранжевой коалиции» (17,5 против 12,5).

Географическое отступление

Почему москвичи, как никто другой, любят В. Януковича, и отвергают Ю. Тимошенко? Не в последнюю очередь потому, что им лучше, чем кому-нибудь другому, рассказывают про достоинства первого и недостатки второй. Есть свои причины и у того, что жителям малых российских городов удалось остаться вне основной зоны антиоранжевого влияния со стороны нашего агитпропа. А если так, то, вспомнив различие в образовательных уровнях жителей столицы и малых российских

городов, мы получим и некоторое объяснение того парадокса, с которым столкнулись, характеризуя предпочтения крайних образовательных групп на украинском политическом поле.

Кстати, это уже не первый случай, когда фактор социальной среды обитания оказывается более действенным, чем образования. Несколько раньше в анализе данных, полученных Левада-Центром об отношении россиян к Украине, мы уже сталкивались с подобной аномалией. Особо подчеркнем — данные получены другим исследовательским центром, пользующимся в своей работе иными приемами и методами. Однако «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе...»; соответственно, аномалия не может быть слишком частой, тогда это уже норма (или, если хотите, аномальная норма). К тому же есть в этом новом соотношении факторов что-то противоестественное. Но либо среда слишком концентрированная (но не кислотная же), либо образование не Бог весть какое серьезное, либо то и другое вместе; но, так или иначе, *москвичи, несмотря на свою высокую образованность, отвергают всяческую «оранжевость» гораздо активней, чем менее образованные обитатели провинциальной российской глубинки.*

Об относительном оптимизме россиян

Еще одним подтверждением (правда, косвенным) негативного отношения россиян к «оранжевым» перспективам являются их представления об изменениях качества жизни в России и Украине. На вопрос ФОМа, как, чтобы было «лучше для России», должны голосовать украинцы на своих выборах, затруднились найти ответ более половины россиян. Зато вопрос «Где через пять лет жизнь будет лучше: в России или в Украине?» вызвал затруднение лишь у каждого шестого (17%) среди опрошенных Левада-Центром, остальные проблем не обнаружили. Причем более половины (52%) всех опрошенных, или почти две трети (62,5%) из числа тех, у кого этот вопрос не вызвал затруднений, уверены, что через пять лет лучше жизнь будет именно в России.

Ровно четверть (25%) опрошенных, или около трети (30%) от тех, у кого не было затруднений с этим вопросом, полагают, что к тому времени жизнь в обеих странах будет примерно одинаковой. Но то, что через пять лет лучше может оказаться жизнь в Украине, допускает лишь один из пятнадцати (6%) опрошенных (или 7% от числа имевших содержательный ответ на этот, как оказалось, простенький вопрос). Глядя на эти показатели, нельзя, конечно, не порадоваться уровню отечественного оптимизма. Однако если вспомнить, что почти половина (49%) из «оптимистов» в том же опросе Левада-Центра заявили, что, по их мнению, Россия «идет по неверному пути», а практически две трети (65%) из них не одобряют деятельность нынешнего правительства, ведущего страну по этому самому «неверному пути»; то станет понятно, что наш оптимизм в буквальном смысле относительный.

Таблица 4

Представление российского населения об относительных перспективах благосостояния в России и Украине

Данные «Левада Центра», март 2006 г. (общероссийская выборка N=1600)

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ГДЕ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ ЖИЗНЬ БУДЕТ ЛУЧШЕ: В РОССИИ ИЛИ В УКРАИНЕ?	в Рос-сии	в Ук-раине	одина-ково	трудно сказать	доля (%) в вы-борке
мужчины	53,0	6,0	25,5	15,5	45,0
женщины	51,5	6,0	24,5	18,0	55,0
18–24 лет (родились после 1981)	51,5	6,0	23,5	19,0	14,5
25–39 лет (родились в 1966–1980)	54,5	8,0	23,0	14,5	27,0
40–54 года (родились в 1950–1966)	52,5	4,0	29,0	14,5	30,0
55 лет и старше (родились до 1950)	49,5	6,0	23,5	21,0	28,5
Образование: ниже среднего	47,0	7,0	28,0	18,0	23,5
общее среднее	51,0	4,0	25,0	20,0	29,5
среднее специальное	54,0	7,0	25,0	14,0	26,5
высшее	57,0	6,5	21,5	15,0	20,5
Москва	56,0	5,0	27,5	11,5	7,5
более 500 тысяч жителей	49,0	6,5	23,5	21,0	20,5
от 100 до 500 тысяч жителей	51,0	4,0	30,0	15,0	20,5
от 10 до 100 тысяч жителей	54,5	4,0	23,5	18,0	21,5
сельская местность	51,5	8,0	23,0	16,5	30,0
Северо-Западный федеральный округ	71,5	3,0	14,0	11,5	10,0
Центральный федеральный округ	52,0	7,5	28,5	12,0	27,5
Южный федеральный округ	61,0	3,0	21,5	14,5	13,0
Поволжский федеральный округ	52,5	5,0	22,5	20,0	22,0
Уральский федеральный округ	30,0	6,0	40,0	24,0	9,0
Сибирский федеральный округ	44,5	7,0	24,5	24,0	14,0
Дальневосточный федеральный округ	49,0	13,0	24,0	14,0	4,5
Денег не хватает даже на продукты	46,5	10,0	27,5	16,0	12,5
вызывает затруднения покупка одежды	49,5	6,0	25,0	19,5	35,0
хватает на продукты и на одежду	51,5	6,0	25,5	17,0	39,0
хватает на вещи длительного пользования	66,5	2,0	20,5	11,0	13,0
страна идет в правильном направлении	61,0	4,0	23,0	12,0	36,0
страна идет по неверному пути	47,5	8,0	27,5	17,0	49,0
трудно сказать	47,0	3,0	22,0	28,0	15,0
Одобряющие деятельность правительства	54,5	7,0	22,5	16,0	30,0
не одобряющие его деятельность	52,0	5,0	27,0	16,0	65,0
Полностью доверяющие В. Путину	62,0	6,5	21,0	10,5	26,0
не доверяющие ему	37,0	11,0	32,0	20,0	22,0
Одобряющие деятельность В. Путина	57,0	6,0	22,0	15,0	72,0
не одобряющие его деятельность	39,5	6,0	33,5	21,0	26,0
Март 2006 в целом	52,0	6,0	25,0	17,0	100

Речь идет не столько о том, что мы полны уверенности в нашем светлом будущем, сколько о том, что даже на фоне своих отнюдь не радужных представлений о собственных делах и перспективах картины украинского будущего полны еще более мрачных предчувствий. Таковы общие мотивы нашего «относительного оптимизма» [7]. А если приглядеться к данным, представленным в таблице 4, то с первого взгляда может показаться, что у мужчин их «относительный оптимизм» хоть и на чуть-чуть, но все же больше. Однако если пересчитать к численности тех, кто не испытал затруднений при ответе на этот вопрос (у женщин таких, как обычно, несколько больше), то выяснится, что приоритет отечественного будущего у них имеет одно и то же выражение (по 63% у тех и других). Не менее трех пятых (от 61,5% до 63,5% тех, кто имеет определенное мнение по данному вопросу) каждого из поколений убеждены в том, что через пять лет жизнь в России будет лучше, чем в Украине. А те, кто не разделяет этого убеждения, в большинстве своем склоняются к тому, что жизнь в обеих странах будет примерно одинаковой. В целом, поколенческие различия также слабо влияют на представление об относительных характеристиках жизни в двух славянских республиках.

Несколько больше влияет на эти представления образовательный уровень. Среди имеющих неполное среднее образование в отечественных преимуществах убеждены 57,5%, среди обладателей среднего образования — 63–64%, а среди обладателей вузовских дипломов — более чем две трети (67%). Как видим, образование хотя и слабо, но все же способствует повышению веры в отечественные преимущества.

Высоко оценивают отечественные перспективы жители Северо-Западного федерального округа и особенно земляки нынешнего президента. Более семи десятых опрошенных среди них (или свыше четырех пятых тех, кто имеет определенное мнение по данному вопросу) убеждены, что через пять лет в России жизнь будет лучше, чем в Украине. Возможность выхода Украины вперед тут почти никто не допускает. Лишь один из шести, а то и семи, полагает, что к этому времени в обеих странах жизнь может быть примерно одинаковой. Жители восточных регионов, особенно находящихся в административном ведении Уральского и Дальневосточного федеральных округов, свои отечественные перспективы оценивают заметно сдержанней, а потенциал Украины, соответственно, выше, чем те, кто живет в европейской части страны. Наиболее сдержанны во взглядах на российские «приоритеты» жители Урала, менее трети (30% от всех опрошенных) которых считают, что через пять лет в России будет жить лучше, чем в Украине. Правда, и для украинского рывка наверх они также особых причин не видят; лишь 6% от всех опрошенных, или около 8% от числа давших на этот вопрос содержательный ответ, допускают, что к этому времени жизнь в Украине будет лучше, чем в

России. Все остальные (40% от всех опрошенных, или 53% от имеющих определенное мнение по данному вопросу) полагают, что к этому времени жизнь в обеих странах будет примерно одинаковой.

Об относительном пессимизме россиян

Люди, которые «едва сводят концы с концами», у кого «денег не хватает даже на продукты», отечественные перспективы оценивают наиболее сдержанно (табл. 4). Соответственно, среди них больше таких, кто допускает возможность, что и в Украине к этому времени жизнь будет, как минимум, не хуже, а то и лучше (такую вероятность допускает каждый десятый из наименее обеспеченных). Несколько лучше оценивают отечественные перспективы те, у кого «на продукты денег хватает, но вызывает затруднения покупка одежды». Еще лучше — те, кто «может без труда приобретать вещи длительного пользования». Но наибольшим оптимизмом и верой в отечество лучатся ответы тех, у кого уже все в порядке, но пока еще немного «затруднительно приобретать действительно дорогие вещи» (таких, по последним данным Левада-Центра, примерно столько же, сколько и наиболее обездоленных — 13%). Не исключено, что, по их мнению, к этому времени остальные россияне достигнут их нынешнего уровня жизни, а сами они передвинутся в категорию тех, для кого «приобретать действительно дорогие вещи» не так уж и затруднительно [8, 9].

Понятно, люди, которые полагают, что сейчас Россия «идет в правильном направлении», в ее будущее преимущества перед Украиной верят сильнее полагающих, что сейчас наша страна «идет по неверному пути». В том, что «через пять лет жизнь в России будет лучше, чем в Украине», убеждены 67% первых и только 57% вторых (в процентах от имеющих определенное мнение по этому вопросу).

Среди полностью доверяющих В. Путину «относительных оптимистов» чуть ли не семь десятых (если считать от числа «голосовавших»). Допускающих возможность украинского прорыва тут вдвое меньше. Однако среди тех, кто не доверяет ему (по данным Левада-Центра, их тоже немало — 22%), доминирующих «относительных оптимистов», убежденных в том, что российские перспективы в любом случае лучше украинских, — лишь немногим более трети — 37% от числа опрошенных. Но, главное, среди тех, кто имеет содержательный ответ на этот вопрос (у кого нет с ним затруднений), «урапатриоты» составляют меньше половины — 46%. Остальные (54%) допускают, что в пятилетней перспективе жизнь в России и Украине окажется примерно одинаковой (40%), либо полагают, что, несмотря на потоки, льющиеся на отечество из нефтегазовых труб, и все более вспухающий пирог нашего стабилизационного фонда, жизнь в Украине окажется все же лучше. Такие представления о своих относительных перспективах имеет примерно каждый седьмой (14%) из тех, кто не испытывает доверия к нынешнему российскому президенту.

Сухой остаток

После рассмотрения всего этого вороха статистик, в которых нашли отражение результаты свыше десяти репрезентативных общероссийских и одного общеукраинского опроса, попробуем определить, что же имеется «в сухом остатке». Это тем более необходимо, что использованные нами данные нескольких исследовательских центров могут не только не совпадать, но и противоречить друг другу, так как при их получении применялись не всегда сопоставимые методы и технологии. Нам же надо выделить из этого объема нечто не только не противоречивое, но, главное, научно и социально значимое, позволяющее увидеть соответствующие сегменты российского социального сознания и по возможности уяснить обстоятельства, способствовавшие их нынешнему состоянию.

В самом начале мы выяснили, что, вне зависимости от того, каковы в настоящее время отношения между Россией и Украиной «на самом деле», объективно три четверти российского населения считают их «плохими». Что стоит за этим фактом? Что плохо, по мнению россиян, в отношениях между Россией и Украиной? Плохие отношения между государствами или их населением, а, может, отношения между монополизировавшими публичное их выражение правительствами и подконтрольными им СМИ? Это, что называется, вопрос следующего уровня. А пока же мы фиксируем сам факт, нравится он нам или нет.

Плохими в представлениях россиян отношения между нашими странами стали отнюдь не в одночасье, еще в январе 2005 года большинство считало их хорошими. Однако почти сразу после инаугурации нового украинского президента эти отношения, в глазах россиян, стали неуклонно ухудшаться и к весне 2006-го достигли того состояния, которое враждебным называть как-то неловко, но и дружественным уже не назовешь. И это не следствие «неудачно поставленного вопроса» (еще два года назад этот вопрос давал прямо противоположный результат), а свидетельство резкого ухудшения отношений между нашими странами.

«Плохие отношения между Украиной и Россией» выражаются, в частности, и в том, что сейчас две пятых россиян «относятся к Украине плохо». Это уже не мнение людей об отношении их государства или правительства к некогда братской республике, а их собственное отношение к этой стране. Что стоит за этим фактом? Отношение российских граждан к украинскому государству или его правительству, или это отношение российского социального сознания к некоторому фольклорному образу любителя галушек и сала? Это, опять-таки, вопрос следующего уровня. Пока же остановимся на том, что почти половина российских граждан свое *личное* отношение к Украине характеризуют как «плохое».

И опять же, таким оно стало отнюдь не в одночасье, а имеет свою историю, «поворотными точками» достаточно тесно сопряженную с

вполне конкретными и при этом широко освещавшимися и комментированными действиями наиболее видных представителей российской власти и ее фаворитов. Речь не о случайном совпадении какого-то одного измерения, а о развернутой серии «случайностей», то есть о вполне определенной закономерности, зафиксированной, как минимум, полудюжиной опросов.

Еще один твердо установленный факт заключается в том, что украинское социальное сознание к России значительно толерантней. Даже жители Западной Украины (многие из которых на собственной судьбе испытали, что значит советское раскулачивание и выкорчевывание «буржуазных элементов»), относятся сейчас к правопреемнице страны, осуществлявшей пакт Риббентропа-Молотова на их собственных судьбах, заметно лучше, чем «средний россиянин» к некогда братской республике.

Следующий весьма существенный результат нашего анализа заключается в том, что российское социальное сознание в своем нынешнем негативизме к Украине отнюдь не так однородно, как это представляется с «высоты птичьего полета». Опустившись чуть ниже, можно отчетливо увидеть весьма существенные различия между разными социальными группами. В частности, основной заряд негативизма к Украине несет в себе мужская часть населения, тогда как женский взгляд значительно позитивней и толерантней.

Существенно и то, что россияне из восточных регионов смотрят на соседнюю страну значительно благожелательней, чем те, кто живет западнее Урала. Наименее негативно относятся сейчас к Украине жители относительно небольших российских городов с населением, не превышающим ста тысяч человек. В целом, чем крупнее городское поселение, тем негативней настроены его жители по отношению к соседней стране, иначе говоря, рост городских масштабов каким-то образом способствует повышению их негативизма. Тенденция эта неоднократно обнаруживает себя в самых разных формах, и есть основания считать эту повторяемость серьезным свидетельством закономерности, причина которой информационная, а попросту пропагандистская обеспеченность социального пространства.

Человек, погруженный в поток тщательно подобранных сообщений о событиях в соседней стране и комментариев к этому видеоряду (нередко откровенно злобных, а порой и достаточно «тонких и изощренных»), не имеющий привычки и потребности в критическом анализе, начинает смотреть на мир сквозь призму этой продукции. В силу сложившихся обстоятельств в Москве такие потоки много мощнее, чем в других городах. Даже северная столица пока еще стоит у относительно более тонкого «информационного» ручейка. А в общем случае: чем меньше поселение, тем тоньше этот ручеек, а значит слабее его влияние на жаждущих информации.

Вместе с тем зафиксированное состояние российского социального сознания нельзя назвать лишь следствием актуального (здесь и сейчас) политехнологического воздействия. Накопленная совокупность таких целенаправленных воздействий сказывается куда сильнее. Влияют и «внутренние» детерминанты, главная из которых — фантомы и рудименты имперского сознания, доставшиеся населению нынешней России от СССР вместе с полученным от него правопреемством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник общественного мнения. 2005. № 6 (80).
2. Галина Старовойтова — продолжение жизни / Отв. ред. Л.Е. Кесельман. СПб.: Норма, 2003.
3. Кесельман Л. Образ социологии в СМИ как средство дезинформации социального (общественного) сознания // Материалы международной конференции «Реализация конституционного права на информацию в современной России», 13-14 сентября 2003 г. СПб.: Гражданский контроль, 2003. С. 51-59.
4. Кесельман Л. Палестино-израильский конфликт в представлении россиян // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 2. С. 46-59.
5. Кесельман Л. Российское зеркало белорусского «батьки» // Вестник общественного мнения. № 2 (82). 2006. С. 18-25.
6. Кесельман Л., Мацкевич М. Груз ответственности // Петербург — место и время. 2003. № 1. С. 75-79.
7. Кесельман Л., Мацкевич М. Индивидуальный оптимизм/пессимизм в современной российской трансформации // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 39-54.
8. Кесельман Л., Мацкевич М. Петербург правее? // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 5. С. 33-39.
9. Кесельман Л., Мацкевич М. Поворот направо? // Актуальные проблемы трансформации социального пространства / Отв. ред. С. Васильев, Л. Кесельман и др. СПб.: ГП МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», 2004. С. 204-224.
10. Кесельман Л., Мацкевич М. Поколенческая трансформация политического сознания // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 6.
11. Левада Ю. Парадоксы и смыслы «рейтингов»: попытка понимания. Вестник общественного мнения. 2005. № 4 (78).
12. Левада Ю. После Империи // Вестник общественного мнения. 2005. № 6.
13. Левада Ю. Власть, элиты и массы: параметры взаимоотношений // Вестник общественного мнения. 2006. № 1 (81).
14. Мацкевич М. Между солидарностью и протестом // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6.
15. Панина Н. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. 2006. № 1 (81).
16. Хмелько В. Динамика рейтингов и социальный состав электоратов В. Ющенко и В. Януковича в избирательной кампании // Вестник общественного мнения. 2005. № 2 (76).